

УДК 903.9.

В.Е. Медведев

ГЛИНЯНЫЕ ШАРЫ С ОСТРОВА СУЧУ – МАТЕРИАЛЬНЫЕ САКРАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА

В 1970-е гг. в ходе исследований на о-ве Сучу в низовьях Амура (Ульчский р-н Хабаровского края) были найдены два орнаментированных шара из обожженной глины. Они привлекли внимание исследователей необычной формой и богатством орнамента. Было высказано мнение об использовании шаров в качестве штампов для украшения сосудов. Исследуя шары и неолитические миниатюрные шарики с Амура, а также «штамповидные» (дзёмонские) изделия, автор приходит к выводу о сакральности находок как предметном отражении мировоззренческой сущности создателей этих культовых атрибутов.

Ключевые слова: неолит Приамурья, сакральный предмет, спиральный орнамент, мировоззрение.

Введение

В 1972 г. по инициативе А.П. Окладникова экспедиционным отрядом Института истории, филологии и философии СО АН СССР под моим руководством были начаты продолжавшиеся до 1977 г. стационарные раскопки обширных неолитических поселений, находящихся на о-ве Сучу в районе с. Мариинского на нижнем Амуре. В 1992–1995 и 1997–2002 гг. исследованием этих памятников занимался Амуро-Уссурийский отряд Института археологии и этнографии СО РАН (три последних полевых сезона на острове работали совместно археологи ИАЭТ СО РАН и Государственного института культурного наследия Республики Кореи) [Окладников, 1973; Деревянко, Медведев, 1996, 2002; Деревянко и др., 2003; Медведев, 1994, 2002; Medvedev, 1996; и др.]. В различных местах острова-памятника на площади свыше 2 700 м² было раскопано 20 жилищ, изучено также несколько святилищ, объединенных в единый культовый центр [Медведев, 2005].

Большая часть исследованных жилищ (десять полностью и четыре частично) относится к малышевской культуре раннего – среднего неолита. Шесть вскрытых жилищ и одно святилище наподобие жилого комплекса принадлежат вознесенской культуре (поздний неолит). Полученный при раскопках многочисленный

вещественный материал (более 91 тыс. артефактов) очень важен для понимания многих составляющих культуры неолитической эпохи. Вместе с археологическими источниками, позволяющими воссоздать облик материальной жизни, технологию, хозяйственно-производственный и общественный уклад (каменные инструменты, керамические изделия, в т.ч. целые сосуды, пряслица, орнаменты, а также остатки самих жилищ) первобытных амурских обществ, в ходе исследовательского поиска выявлены исключительно ценные художественные и ритуально-обрядовые реалии: традиционные украшения в виде колец, бусины, различные по форме подвески (в т.ч. типа магатамы) и выразительные лабретки, объемные скульптурные зоо-, орнито-, ихтио- и антропоморфные изображения. Установлено, что для нижеамурского неолита характерны полиэпичность и полисемантичность художественных образов, запечатленные в антропоморфных двуполых (андрогинных) и антропозооморфных скульптурках, фигурках, а также петроглифах [Медведев, 2000, 2001].

Среди разнообразных образцов мелкой пластики, найденных на рассматриваемом памятнике, особое место занимают два глиняных орнаментированных шара. Они хорошей сохранности, привлекают внимание своим изяществом. Сначала изображения шаров

были опубликованы без сколько-нибудь детального анализа и истолкования [Okladnikov, 1981, fig. 82]. Впоследствии в специальной статье шары интерпретировались как штампы для орнаментирования глиняных сосудов [Абрамов, Березин, Глинский, 1984]. Мной было высказано несогласие с подобной трактовкой [Медведев, Мильникова, 1993, с. 68].

Условия залегания шаров, их описание и культурно-хронологическая привязка

Оба шара найдены в северо-восточной части о-ва Сучу поблизости от его южного края, где в первой половине 1970-х гг. в раскопе I три жилища (В, Г, Д) были исследованы полностью и несколько частично [Деревянко и др., 2003, рис. 2]. В указанном месте памятника остатки жилищ типа полужемлянок, а также землянок не имеют характерных признаков ям-западин, хотя их основания-котлованы находятся в супеси и песке на значительной глубине. Жилищные комплексы располагаются на дне или пологих склонах сравнительно неширокого распадка, который тянется от низкого берегового участка внутрь острова. В результате склоновых процессов жилищные западины за прошедшие тысячелетия были полностью замыты.

Раскопочные работы в указанном месте, как, впрочем, на большинстве других площадок на Сучу, проводились сплошной площадью с охватом жилищ и прилегающих к ним пространств.

Шар 1*. Обнаружен в 1975 г. в жилище В. Это округлое в плане жилище – одно из наиболее крупных (диаметр до 17 м) и глубоких (ок. 3 м от современной поверхности) из раскопанных на острове. Его особенность определяется наличием вдоль стен котлована располагающихся наподобие амфитеатра ступенчатых (часто сильно размытых) уступов, служивших в прошлом, скорее всего, в качестве своего рода нар или полок. Шар залегал на одном из уступов непосредственно у стены жилища под развалом сосуда на глубине ок. 150 см от современной поверхности (кв. Н-52). В жилище примерно в тех же условиях обнаружены глиняные скульптурные изображения животных, в т.ч. медведя, а также птицы, орнаменты в виде зубчатого колесика и другие изделия.

Находка представляет собой почти идеальный шар диаметром 6,3–6,7 см и весом 220 г. В отдельных местах шара имеются небольшие уплощения. Поверхность сильно заглажена, на нескольких участках со слабыми выбоинами и сколами – шероховатая, здесь видна структура темно-серого или темного глинистого теста с примесями мелкой дробленой или окатанной дресвы. Цвет поверхности неравномерный: от коричневого до темно-серого и даже черного. Изделие полностью орнаментировано с помощью стерженька-палочки или лопаточки с тупым закругленным концом. В процессе выглаживания были образованы желобчатые концентрические спирали (глубина 1,0–2,5 мм), которые составили негативный декор. На его фоне отчетливо выступает рельефно-валиковый позитивный рисунок или композиция из восьми характерных змеевидных спиралей, между которыми благодаря той же технике выглаживания, местами штампования, образовано шесть ромбовидных фигур со слегка вогнутыми сторонами; в их расположении наблюдается определенная закономерность. Одна из этих фигур, наименьшая по размерам (длина 2 см), – почти равносторонний ромб, образованный четырьмя вмятинами-желобками. В центре его до обжига изделия было сделано округлое углубление диаметром до 5 и глубиной ок. 2,5 мм (рис. 1, а; 2, а). Если данную часть шара с ромбовидной фигурой и углублением внутри нее условно считать верхней, то в нижней на нем будут изображены два желобковых ромба, при этом один из них вписан в другой. Внутренний ромб показан несколько небрежно: одна из его сторон не обозначена (см. рис. 1, в; 2, в).

Остальные четыре геометрические фигуры располагаются соответственно с четырех сторон примерно

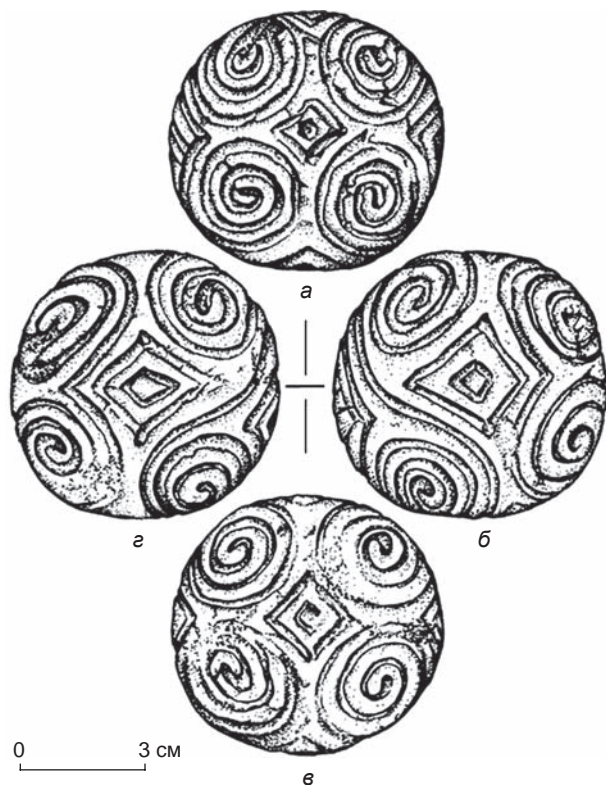

Рис. 1. Шар 1. Рисунок Ю.В. Табаревой.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; г – «слева».

*В статье Б.А. Абрамова, Д.Ю. Березина и С.В. Глинского [1984] шар 1 обозначен № 2, а шар 2 – № 1.

Рис. 2. Шар 1. Фото В.Н. Кавелина.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; г – «слева».

на одинаковом расстоянии от «верхней» и «нижней» фигур. Три из этих четырех ромбов заметно крупнее первых (длина 3–3,5 см). Ромбы попарно вписаны один в другой, две их стороны более длинные, что определяет асимметричность фигур (см. рис. 1, б, г; 2, б, г). В углах двух «боковых» ромбов имеются небольшие округлые ямочки, оттиснутые концом орнамента. Ямочки несколько удлиняют углы и придают ромбам заovalенные очертания. Четвертый ромб, «боковой», по размерам и форме примерно такой же, как и «верхний». У него внутри также имеется круглое углубление.

Шар 2. Обнаружен жителями с. Мариинского при ремонте колодца, находящегося в 13–15 м от раскопа I вниз по распадку в сторону Амура. Не исключено, что в указанном месте было неолитическое жилище, замкнутое, как и раскопанные рядом, рыхлым грунтом. Точную глубину залегания шара установить не удалось, известно лишь, что она была не менее 1–1,5 м. На этом уровне основными являются слоистые отложения желтого песка и супеси. Диаметр шара 6,3–6,6 см, вес 247 г. Он почти правильной круглой формы, в нескольких местах несколько уплощен. Поверхность преимущественно темно-коричневая, темно-бурая, в части шара – темная, почти черная; здесь она наиболее залощена, видимо, вследствие многочисленных соприкосновений с мягким предметом или ладонью человека. В целом шар 2, в отличие от шара 1, выглядит более гладким, как бы отполированным. Однако на его поверхности есть несколько ямочек-каверн диа-

метром 2–4 мм, образовавшихся уже после обжига в результате выпадения дресвы или комочков шамота.

Орнамент на данном шаре отчетливо выраженный желобковый, но более простой. Двойные параллельные спиралевидные валики образованы тем же способом, что и валики на шаре 1, – выглаживанием закругленным концом инструмента, очевидно, в виде лопаточки (рис. 3, 4). В результате появились концентрические желобки (между ними валики), концы которых смыкаются на двух противоположащих «полюсах», образуя т.н. двойную спираль, меняющую направление в центре (см. рис. 3, а, в; 4, а, в). Спирали неровные, с разной степенью рельефности. Примечательно, что на одном «полюсе» желобки между валиками заметно глубже, чем на другом. На этих более рельефных валиках группами (по 5–8 шт.) имеются неглубокие, едва выделяющиеся оттиски прямоугольного штампа. Эти вертикальные (по отношению к «полюсам» шара) оттиски образованы на четырех валиках-витках, в нескольких местах они потеряли свою первоначальную форму, однако многие из них просматриваются вполне удовлетворительно. Этот декор, нанесенный поперек валиков-спиралей мелко-зубчатым штампом, можно назвать гребенчатым – каждый сохранившийся оттиск рассечен преимущественно четырьмя-пятью горизонтальными полосками. К сожалению, не все оттиски имеют четкие контуры и размеры, но характер их ритмичности (через 3–5 мм) зафиксирован уверенно. Если на шар смотреть «свер-

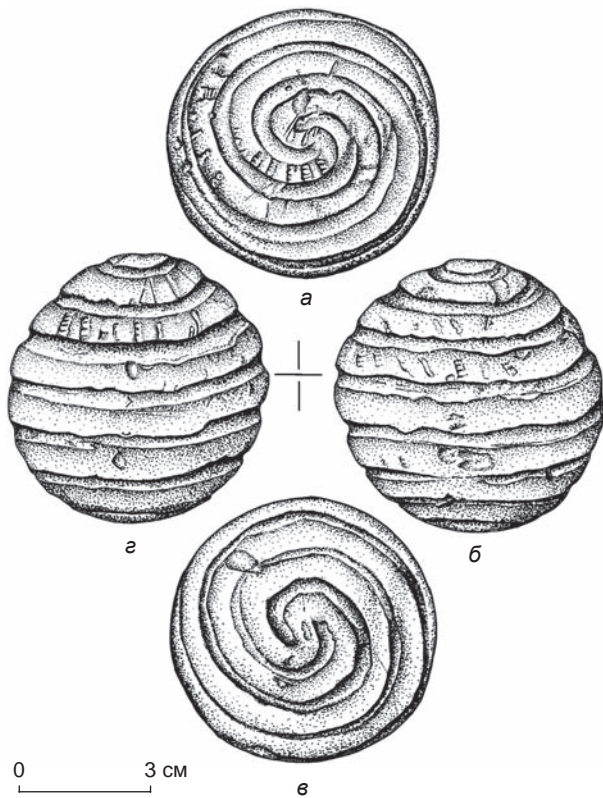

Рис. 3. Шар 2. Рисунок Ю.В. Табаревой.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; з – «слева».

ху», на «верхний полюс» (см. рис. 3, а; 4, а), то первую группу из шести-семи аморфных оттисков можно наблюдать в самом начале валиковой спирали. Еще четыре-пять оттисков-штрихов не без труда выделяются на второй параллельной валиковой спирали. Несколько дальше на этом же валике имеются еще семь-восемь вертикальных оттисков, из которых в трех сохранились горизонтальные полоски-вмятины. Примерно в 5 см от указанной группы оттисков на этом же валике отмечены еще шесть-семь подобных отпечатков, часть которых сохранила горизонтальные полоски (см. рис. 3, б, з; 4, б, з).

Таким образом, рассматриваемые шары имеют много общего. Находки близки по размерам, качеству и составу глинистого теста, цвету, технике декорирования, а также обжигу, благодаря которому изделия хорошо сохранились. Пожалуй, нельзя говорить лишь о полном тождестве орнаментов на шарах. Сходство в оформлении также прослеживается: спиральный желобковый декор является единственным на шаре 2, он же занимает значительную часть поверхности шара 1. Можно считать одинаковыми топографические и стратиграфические условия залегания шаров. Предметы были зарегистрированы в пределах одного поселения эпохи неолита, точнее, на его ограниченном периферийном участке, на котором все изученные жилища вместе с вещественным материалом, за исключением отдельных предметов из верхних слоев грунта, при-

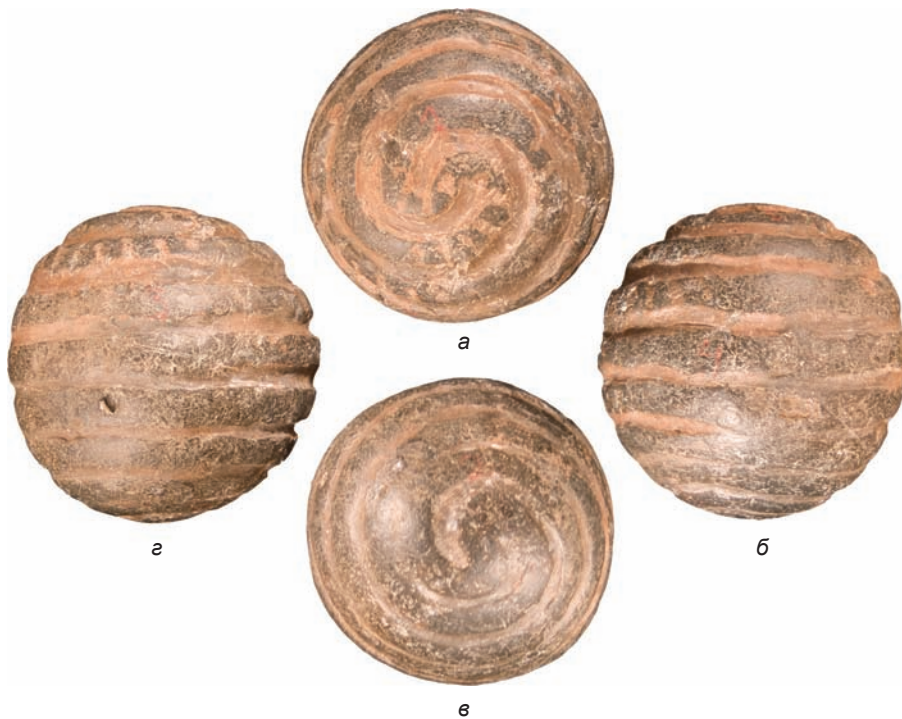

Рис. 4. Шар 2. Фото В.Н. Кавелина.
а – вид «сверху»; б – «справа»; в – «снизу»; з – «слева».

надлежат малышевской культуре. Шар 1, обнаруженный, как уже отмечалось, у стены жилища, был связан со слоем супесей – основным заполнением жилищного котлована. Шар 2 выявлен в подобных условиях, предположительно в пределах замытого жилища.

Для исследованных жилищ малышевской культуры на о-ве Сучу по древесному углю определено довольно много радиоуглеродных дат. В частности, для жилища В имеются две: $4\ 380 \pm 40$ л.н. (СОАН-1280) и 4650 ± 55 л.н. (СОАН-1281). Есть также дата, полученная по углю, собранному рядом с жилищами В и Д, – $5\ 830 \pm 65$ л.н. (СОАН-843).

Итак, жилище В, в котором находился шар 2, можно датировать временем не позже начала III тыс. до н.э. Что касается соседних с ним жилищ, вскрытых в раскопе I, то они, судя по дате СОАН-843 и дате жилища Г $5\ 170 \pm 90$ л.н. (СОАН-1123), могли существовать еще раньше – в IV тыс. до н.э. Признавая культурно-сущностную близость рассматриваемых шаров, допустимо считать их возраст ориентировочно одинаковым – начало III тыс. до н.э. В целом же по возрасту указанные жилища соответствуют другим жилищам малышевской культуры, изученным на о-ве Сучу.

Шары – предметное воплощение религиозно-мифологических представлений неолитического человека

О том, что шары не могли использоваться при ornamentировании керамики, поскольку сами служили объектом декорирования, мы уже писали [Медведев, Мыльникова, 1993]. Не повторяя сказанного, остановлюсь на весьма существенных, как мне представляется, фактах, позволяющих развернуто аргументировать предложенную точку зрения.

Во-первых, авторы статьи о шарах [Абрамов, Березин, Глинский, 1984] при описании спирального орнамента, который характерен для керамики малышевской культуры, должны были обратить внимание на то, что все желобковые углубления, образующие спирали на сосудах этой культуры на о-ве Сучу, созданы с помощью прокатки зубчатого орнамента. Поверхность желобков всегда покрыта скобковидными (чешуйчатymi) или угольчатыми оттисками, оставленными более удобным, можно сказать, маневренным орнаментом, каким является зубчатый штамп-колесико (см., напр.: [Деревянко, Медведев, 2002, рис. 2, 6; Okladnikov, 1981, fig. 85, 89]). Такие керамические штампы-колесики постоянно фиксируются при раскопках малышевских жилищ. Они признаются одним из характерных элементов нижнеамурского неолита; таких штампов особенно много найдено на о-ве Сучу. Понимая, что при нанесении орнамента желобки колец-спиралей должны были покрываться мелкими ритмичными углублени-

ями, авторы публикации считают возможным полагать: «специально нанесенные на валик зубчатые оттиски» украшают внутреннюю поверхность желобков. При этом они оговариваются, что оттисков этих мало и различимы они слабо [Абрамов, Березин, Глинский, 1984, с. 67]. (Речь идет о шаре 2.) Вполне возможно, что зубчатых оттисков на валиках шара действительно было больше, во всяком случае на одном из его двух «полюсов» (на другом «полюсе» их, очевидно, вообще не было) (см. рис. 3, 4). Но если даже сделать такое допущение, то по облику этот довольно разреженный гребенчатый (или зубчатый) декор нельзя сопоставить с узором в виде сплошных угольчатых и скобковидных углублений на поверхности желобковых спиралей на малышевских сосудах.

Во-вторых, с учетом сказанного выше, в многочисленных коллекциях малышевской керамики (именно ей присущ желобковый спиральный декор на Амуре) вряд ли можно отыскать образцы, на которых этот орнамент соответствовал бы экспериментальным отпечаткам, полученным в результате прокатки шара 2 на пластине [Там же, рис. 5]. Можно уверенно утверждать, что такой орнамент отсутствует. Нельзя, конечно, исключить, что где-то в древности могли быть шаровидные штампы, с помощью которых на отдельные участки сосудов наносился волнообразный орнамент [Молодин, 1990, с. 77]. Однако спиральный узор, который, к слову, нередко путают с такой графической формой, как лабиринт [Керн, 2007, с. 7], выполнить значительно сложнее, особенно в художественно богатых композициях, как правило, на крупных по размерам сосудах, относящихся к малышевской культуре.

В-третьих, такие характеристики наделенного сложным декором шара 1, как принадлежность к единому археологическому комплексу, размеры, форма, сходство теста и обжига, рисунок на всей поверхности и ее заглаженность, якобы позволяющие считать его, как и шар 2, орнаментальным штампом, не могут относиться к разряду репрезентативных. Суть в том, что все эти признаки нельзя связывать только с шарами-орнаментами – ими могут обладать также предметы иного назначения. У Б.А. Абрамова, Д.В. Березина и С.В. Глинского, вероятно, были сомнения относительно практического применения шара 1, потому что его экспериментальная прокатка не дала «близких аналогов в коллекции орнаментов нижнеамурской неолитической керамики» [1984, с. 68]. Нередко кажущиеся похожими вещи при внимательном рассмотрении перестают быть таковыми. Определенную связь с анализируемыми шарами имеют т.н. изделия штамповидной формы, найденные на многих памятниках эпохи дзёмон в Восточной Японии (в т.ч. на о-ве Хоккайдо). Первоначально их называли грибовидными глиняными изделиями; высказывалось также предположение об использовании этих вещей в качестве серег (види-

мо, с учетом в некоторых из них отверстия для подвешивания). Затем за данными находками закрепилось название «штамповидные глиняные изделия». Специально исследованием названных артефактов занималась Мия Хироаки. Ею учтено ок. 250 изделий. Особенно ценные материалы найдены в центральной части Хоккайдо и преф. Иватэ и Мияги [Мия Хироаки, 1988, с. 75–76]. Предметы в зависимости от орнамента на поверхности расширенной «штамповой» части и их формы разделены на несколько типов. Первый тип, относящийся к концу среднего – началу позднего дзёмона, объединяет крупные, круглые в сечении, конусовидные «штамповидные» изделия, сильно расширенные на одном конце, имеющие гладкую поверхность (рис. 5, 1). Второй тип соответствует началу позднего дзёмона – изделия круглые в сечении, с углублением посередине и декором в виде спирали и концентрических кругов (рис. 5, 3, 6–9), иногда в форме слегка расширяющегося к одному концу стержня с накольчатым и линейным узором (рис. 5, 2). Третий тип «штамповидных» изделий представляет середину позднего дзёмона – с различными по форме расширенными «штамповыми» частями и соответствующими орнаментами. Значительное место среди них занимают предметы с овальной и ромбовидной «штамповой» частью, на поверхности которых оформлен желобковый узор в форме вписанных друг в друга ромбов (рис. 5, 4, 5).

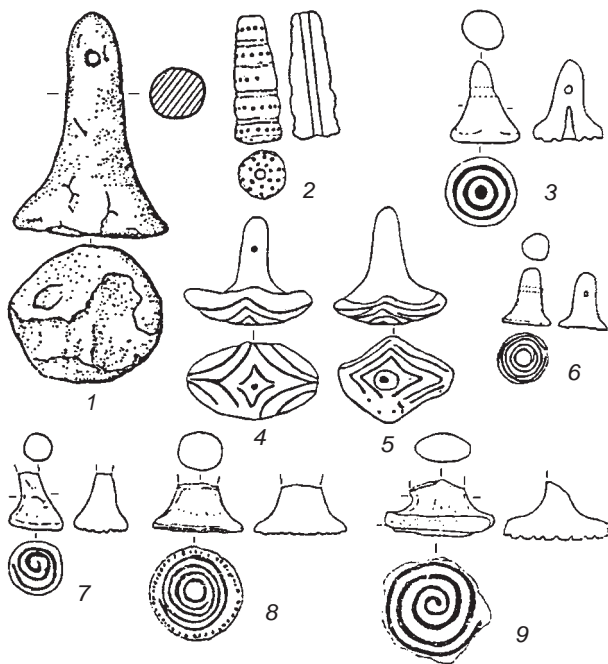

Рис. 5. Глиняные штамповидные изделия из памятников эпохи дзёмон на о-ве Хоккайдо (по: [Мия Хироаки, 1988, рис. 2, 3]).

1 – Баннагуро; 2, 3, 6–9 – Суэхино; 4, 5 – Осэро – Тодзэ. Масштаб различный.

Обращаясь к вопросу о функции штамповидных глиняных изделий, Мия Хироаки отмечает, что в случае практического применения основная их масса имела бы следы изношенности или повреждения. Однако количество находок с признаками эксплуатации относительно невелико; вероятно, рассматриваемые вещи не использовались в утилитарных целях. По мнению исследователя, штамповидные глиняные изделия отражают одну из сторон духовной культуры людей дзёмонской эпохи. Предметы, появившиеся в конце среднего дзёмона (5–4 тыс. л.н.) и существовавшие до конца позднего дзёмона (4–3 тыс. л.н.), трактуются как амулеты или изделия, предназначенные для церемоний. Мия Хироаки подчеркивает, что орнаменты и формы «штамповой» части и «ствола» (удлиненного конического элемента) изобилуют мотивами, основная тема которых – детородные органы. В них заложены идеи плодородия, многодетности и легких родов, безопасной и удачной охоты – крайне важные для людей каменного века [Там же, с. 81–82].

О глиняных и каменных конических скульптурных изображениях в виде фаллоса-вульвы, относящихся к малышейкой и кондонской культурам на Амуре, такого же содержания, что и дзёмонские «штамповидные» изделия (в форме детородных органов или фаллосов-вульв), мной уже говорилось [2001, с. 82–83, 88–89]. Не останавливаясь на данном сюжете, назову два других глиняных скульптурных изображения, найденных в процессе раскопок жилищ малышейкой культуры на о-ве Сучу.

Первое скульптурное изображение зафиксировано в 1993 г. в жилище 3 (рис. 6, 1). Предмет преимущественно светло-коричневого цвета, равномерного обжига. Представляет собой округлый в сечении стержень длиной до 7,9 и диаметром ок. 3 см, с обломанными концами, один из которых расширенный. «Верхний» обломанный конец, вполне возможно, был заужен или заострен. Поверхность расширенного конца (торца) гладкая, без орнамента. Предмет сопоставим с дзёмонскими штамповидными изделиями (см. рис. 5, 1). Даже при неполной сохранности изображение можно считать фаллическим. Подобные фигуры выражают, как правило, единство фаллоса и вульвы.

Второе скульптурное изображение выявлено в 1995 г. в жилище 5 (см. рис. 6, 2). Изделие обломано. Сохранившаяся часть представляет собой круглый в сечении стержневидный предмет длиной 3,6 и диаметром 2,2 см светло-коричневого, местами чуть красноватого цвета. Обжиг ровный, в изломе терракота плотная, с небольшими ячейками-пустотами, образовавшимися в результате выгорания в глинистом тесте органических добавок. На поверхности сохранившегося торца трубкой оттиснуто желобковое кольцо. (Чтобы отвести возможные предположения об использовании торцевой части данного предмета в качестве

штампа, замечу, что оттиски точно такой же формы ни на керамике из жилища 5, ни на какой-либо другой керамике малышевской культуры (и вообще древней амурской) мне не известны.) Орнаментирована вся остальная поверхность изделия. Ниже края торца его опоясывают два параллельных выдавленных желобка. Немного более широкие парные волнистые желобки образуют, очевидно, основной формообразующий мотив орнаментальной композиции на боковой поверхности предмета. Парных или сдвоенных волнистых желобков было не менее двух, но на сохранившемся фрагменте видна только одна полная пара и элемент второй. Пространство между желобками полностью заполнено также парными короткими рядами наклонных, едва просматривающихся, по форме близких к прямоугольнику или ромбу оттисков, сделанных преимущественно трехзубчатой гребенкой.

Указанные предметы из жилищ малышевской культуры, к сожалению, плохой сохранности. Ввиду отсутствия признаков использования в утилитарных целях эти находки можно уверенно отнести к категории фаллических изделий. Вторая скульптурка вписывается в типологический ряд изображений фаллос-вульва. Первое скульптурное изображение из жилища 3 фактически полностью соответствует глиняным «штамповидным» изделиям первого типа, а второе – предметам второго типа дзёмона.

Нельзя не обратить внимание на то, что многие категории скульптурных изображений и некоторых других предметов дзёмонской эпохи и малышевской культуры амурского неолита имеют большое внешнее сходство и, как установлено, одинаковое назначение. Они также близки друг к другу хронологически. «Штамповидные» изделия первого типа дзёмона датированы, как уже упоминалось, концом среднего – началом позднего периода, что соответствует ориентировочно 4 тыс. л.н. (примерно конец III тыс. до н.э.). Дата малышевского жилища 3 на о-ве Сучу по ^{14}C $4\ 470 \pm 100$ л.н. (ГИН-8292); это первая половина III тыс. до н.э. Жилище 3 – одно из самых поздних среди изученных малышевских жилых комплексов. Тем не менее обнаруженное в нем скульптурное фаллическое изделие*, как видим, заметно древнее самых ранних «штамповидных» изделий – амулетов Японии. Подобные материалы – одно из свидетельств культурных связей, существовавших в эпоху неолита между материковым Приамурьем и Японскими островами. Многие компоненты, считавшиеся до недавнего времени дзёмонскими, восходят к культурам начального, раннего и среднего неолита Нижнего Приамурья [Медведев,

*Помимо представленного в данной работе фаллического изображения, в жилище 3 было найдено еще одно глиняное скульптурное изображение фаллоса-вульвы [Медведев, 2001, рис. 7, 4].

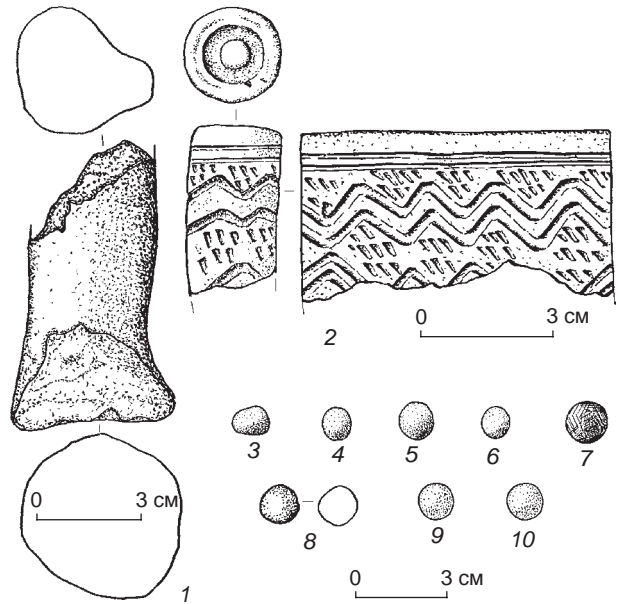

Рис. 6. Фаллические предметы (1, 2) и шарики (3–10) из жилищ малышевской культуры на о-ве Сучу.
1, 8 – жилище 3; 2 – жилище 5; 3–7 – жилище 27;
9, 10 – жилище 25.
1–6, 8–10 – глина; 7 – камень (халцедон).

2000, с. 64–66]. Все эти материалы, включая сведения по эпохе дзёмон Японии, привлечены в данном случае в качестве примера для объективного истолкования реалий, кажущихся простыми и понятными, но в действительности наделенных глубоким смыслом.

Вернемся к глиняным шарам. Быть инструментами-орнаментами, как показано выше, они не могли. Нельзя отнести их также к вещам, предназначенным, например, для игр. Подобные игрушки неизвестны, да и трудно вообразить данные находки в этом качестве. Тогда что же они собой представляют?

Обратимся к результатам исследований этнографических и археологических материалов – орнаментов древних культур и народов Севера и Дальнего Востока. Как показал анализ обширнейшего материала, т.н. кружковый орнамент, простой круг (иногда с точкой в центре), двойные концентрические круги являются, как правило, символами солнца. Считается, что круг – один из самых архаичных и универсальных символов народов мира, начиная с неолита [Иванов, 1963, с. 464–473]. Подобная дефиниция круга настолько распространена в историко-археологических изысканиях, что ее можно назвать хрестоматийной. Под кругом (круглым объемным изображением) с полным правом можно понимать анализируемые шары.

Керамический орнамент в виде колец или кружков нельзя считать характерным для малышевской культуры. В некоторых случаях кольца или кружки выступают отдельными элементами сложных декоративных

композиций с изображением стилизованных рыб, у которых глаза обозначены круглыми вдавлениями (к слову, семантически символы «глаз» и «солнце» иногда связаны между собой) [Там же, с. 466].

В малышевских жилищах и культовых центрах фиксируются каменные, чаще всего нефритовые, кольца, также ассоциирующиеся с солнцем (например, в святилище 2 культового центра у с. Вознесенского (нижний Амур) компактно залежали десять нефритовых колечек) [Медведев, 2005, рис. 10]. Каменные кольца зарегистрированы при раскопках памятников почти всех неолитических культур Нижнего Приамурья.

Принципиально важно, что на о-ве Сучу во многих малышевских жилищах найдены небольшие глиняные шарики, а в одном – каменный. Они, например, обнаружены в жилищах 3 (рис. 6, 8), 25 (рис. 6, 9, 10), 27 (рис. 6, 3–7). Глиняные шарики диаметром 1–1,2 см, с ровной гладкой поверхностью красно-серо-темного или желто-коричневого цвета. Каменный шарик (из халцедона красноватого цвета с желто-серыми разводами) правильной формы, диаметром 1,3 см, с тщательно зашлифованной гладкой поверхностью.

Присутствие в жилищах малышевцев круглых объемных глиняных, а также халцедонового изделий можно считать материальным проявлением солярного культа. Поклонение солнцу у носителей малышевской культуры выражалось, вероятно, в том, что предметы, символизирующие солнце, они носили в виде амулетов или хранили в пределах жилища. В число таких вещей входили плоские нефритовые кольца, небольшие глиняные или каменные шарики и сравнительно крупные шары.

Основным орнаментальным мотивом на шарах выступают спирали: двойная спираль, меняющая направление в центре на шаре 2; S-видная и пары спиралей, обращенных друг к другу «спинками» на шаре 1. Из дальневосточной этнографии хорошо известно, что в основе спирального декора – реалистическое изображение змеи. Например, около 100 л.н. у айнов отмечено бережное отношение к реалистическому змеевидному орнаменту. В чрезвычайных случаях, например при болезни, айны делали из травы кольцевидное изображение рептилии, которое называли божественным змеем. Змей у них ассоциировался с солнцем, диском. В коллекциях, собранных у айнизированных нивхов на Сахалине, имеется круглая дощечка, по периметру которой вырезан круг, а в нем – «два спирально изогнутых змея». У айнов и нивхов эта дощечка имела название «божество солнца» [Штернберг, 1933, с. 571–572, табл. IV, 1]. Изображение змея у айнов располагается в самых важных местах, в священном углу жилища. Змею посвящаются молитвы, делаются жертвоприношения (если хотят узнать от него о причине болезни) и т.п. Змей выступает в роли самого

сильного духа-покровителя шамана, и наиболее могучими предстают шаманы, которые имеют его своим духом-покровителем [Там же, с. 573].

Разумеется, со времени существования малышевской культуры в религиозно-мифологических представлениях людей, обитающих в низовьях Амура и в прилегающих к нему регионах, произошла значительная трансформация, но некоторые основополагающие элементы сохранились. Например, к круглым объемным или плоским предметам с изображением змей-спиралей, с которыми ассоциируется обоженное солнце – источник жизни, воплощение плодородия и добра, одинаково трепетное отношение проявляли как носители малышевской неолитической культуры, так и представители этнографической современности. (Напомню, что глиняный шар 1 лежал на уступе у стены жилища, судя по всему, в сосуде или под ним.) Примечательно, что практически все культовые реалии в «домашних» неолитических святилищах на о-ве Сучу находились у стен жилищ или в углублениях пола (см., напр.: [Медведев, 2005, с. 50, 56]). С большой долей уверенности можно говорить об использовании данных предметов в культово-обрядовых действиях. Поверхность изделий заглажена и даже отполирована (особенно шар 2), это результат многократного соприкосновения с ладонью руки, телом, мягкой вещью.

Можно сделать вывод, что глиняные шары, найденные на поселении малышевской культуры на о-ве Сучу, являются отражением солярного культа, воплощенного в предметных охранительных изображениях. Имеющийся на шаре 1 орнамент в виде простых ромбов или ромбов с ямочкой посередине и по углам семантически также принято интерпретировать как небесные светила; чаще всего это обозначение солнца [Иванов, 1963, с. 441].

Заключение

Малышевская культура, памятники которой в настоящее время известны на большой территории от низовий Усури и вниз по долине Амура до его устья, датируется с VI–V тыс. до н.э. (юго-западная группа археологических объектов) до V – середины III тыс. до н.э. (северо-восточная группа). В материальной и духовной жизни ее представителей отмечены черты, не имеющие корней в предшествующих культурах Амурского региона, но получившие распространение в последующее время. Среди таких элементов – жилища в виде полуземлянок и землянок большой площади (до 150–180 м²), глубиной свыше 1,5 м (некоторые с несколькими ступенями-ярусами вдоль стен), характерные для северо-восточного ареала культуры. Широким технико-типологическим раз-

нообразием отличается каменный инвентарь. Редкое типологическое богатство и оригинальность орнамента демонстрирует керамика. Многие сосуды малышевской культуры украшены рельефным желобковым меандром и различными вариантами спиралей. Подобного узора, выполненного зубчатыми орнаментами, не было на российском Дальнем Востоке ни до, ни после малышевской культуры. На глиняной утвари, прежде всего парадной, культовой, наряду с рельефным узором имеется плоский зооморфный и растительный декор, нанесенный ярко-красной краской чаще всего в верхней части, иногда на тулове.

Отчетливо выраженное своеобразие духовного мира малышевцев, их религиозно-мифологических представлений проявилось в не имеющих аналогов в дальневосточном неолите глиняных и каменных художественно-обрядовых реалиях, к которым относятся не только рассмотренные орнаментированные шары и небольшие шарики, но и лабретки, чуринги, полисемантические конусовидные скульптурные изображения фаллоса-вульвы и некоторые другие изделия [Медведев, 2000, с. 65]. У меня нет убежденности в том, что эти элементы духовной жизни людей попали к неолитическим обитателям данного района Приамурья извне. Такой орнаментальный мотив, как спираль, во всем богатстве его вариантов появляется в неолите нижнего Амура, зубчато-желобковая техника оформления практически не известна в древних культурах российского Дальнего Востока. Исследователями, главным образом Л.Я. Штернбергом и А.П. Окладниковым, приводились факты, доказывающие возможность инфильтрации в некоторые районы Дальнего Востока, прежде всего на нижний Амур, отдельных культурных элементов (например, спиральный (змеевидный) орнамент) из Южно-Тихоокеанского региона.

Проблема связей между культурами населения юга Тихого океана и российских южно-дальневосточных прибрежных морских и амурских территорий в эпоху неолита заслуживает, с учетом новых данных, специального всестороннего исследования. В какой-то степени помочь в ее решении могут охарактеризованные в данной работе орнаментированные шары, в чем-то напоминающие австралийские чуринги и чуринги с соляной символикой малышевской культуры с о-ва Сучу [Медведев, 2002, рис. 1, 1, 4, 5, 7].

Список литературы

- Абрамов Б.А., Березин Д.Ю., Глинский С.В.** Назначение керамических орнаментированных шаров с неолитического поселения о-ва Сучу (Нижний Амур) // Изв. СО АН СССР. – 1984. – № 1: Сер. ист., филол. и филос., вып. 1. – С. 63–68.
- Дервянко А.П., Медведев В.Е.** Остров Сучу – уникальный памятник археологии Дальнего Востока // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 214–221.
- Дервянко А.П., Медведев В.Е.** К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) // История и культура Азии: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). К 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск, 2002. – Т. II. – С. 53–66.
- Дервянко А.П., Чо Ю-Чжон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В.** Неолитические поселения в низовьях Амура: Отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг. – Сеул: ИАЭТ СО РАН, Гос. Ин-т культурн. наследия Республики Кореи, 2003. – 1117 с. (на рус. и кор. яз.).
- Иванов С.В.** Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 500 с.
- Керн Г.** Лабринты мира. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 432 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // АО 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, Мин-во культуры РФ, 1994. – С. 177–178.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56–68.
- Медведев В.Е.** Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 76–94.
- Медведев В.Е.** Амурские чуринги // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. – № 3. – С. 11–15.
- Медведев В.Е.** Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 40–69.
- Медведев В.Е., Мыльникова Л.Н.** Штампы для орнаментации керамических сосудов из неолитических поселений нижнего Амура // Археологическое исследование на Дальнем Востоке России. – Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1993. – С. 63–68, 95–98.
- Мия Хироаки.** Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий // Хоккайдо Коккогаку. – 1988. – Март. – С. 75–84 (на яп. яз.).
- Молодин В.И.** К вопросу о штампах для орнаментации древней керамики // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 76–80.
- Окладников А.П.** Новые данные по неолиту нижнего Амура // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 232–233.
- Штернберг Л.Я.** Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
- Medvedev V.E.** The Neolithic Settlement of Suchu Island in the Lower Amur Region (The Excavation of 1993) // J. of the Korean Ancient Historical Society. – 1996. – N 22. – P. 129–162 (на кор. яз.).
- Okladnikov A.** Ancient Art of Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.